

«...Главная опасность для русского владычества на Кавказском перешейке состояла не столько в неодолимости гор, как в настроении племен, окружающих горы... Все вокруг мюридов не только сочувствовало им, но даже было направлено почти официально к тому, чтобы при первой возможности протянуть им руку... Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шариата и духовенства. Кавказское начальство делало то же самое в покорных обществах, по вполне понятной причине: ему легче было основать народное управление на шариате, писанном законе, чем на неизвестных племенных обычаях, которое надо было еще привести в ясность и узаконить в такое время, когда на Кавказе не существовало даже правильно организованных местных властей...»¹⁹.

Идя трудными путями, процесс взаимопознания способствовал взаимоотерпимости и взаимному осознанию одной «элементарной» истины: фактор соседства – коль скоро нельзя избавиться – можно и нужно использовать с выгодой – хозяйственной, культурной, политической.

Зачастую русско-казачьи станицы и горские аулы без всяких посредников договаривались между собой о мире и добрососедстве невзирая на то, что вокруг шли сражения и лилась кровь. Поссорить не могли ни Шамиль, ни царь, ни вера, ни «народность».

Обращение к многовековой истории России позволяет уяснить, что из арсенала предшествующего строительства не прошло проверки временем, что явно устарело, и что не соответствует современным задачам Российской Федерации. Главное же – освоение логики преемственности прошлого с настоящим дает возможность конструктивно учесть уроки истории, освободившись от разного рода мифологизации и политизированных стереотипов.

УДК 9(470) «18» Достоевский

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ

С.А. Кочуков

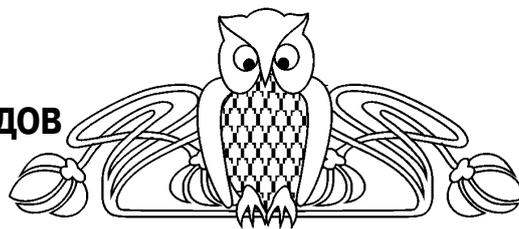
Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды знаменитого русского писателя Федора Михайловича Достоевского на Балканский кризис 1877–1878 гг., на природу вооруженных катаклизмов, проводятся исторические параллели отношений различных политических и общественных деятелей России 70-х гг. XIX в. к Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

Ключевые слова: русская армия, политический конфликт, война, общественное мнение.

Примечания

- 1 См.: Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 20.
- 2 Ханаху Р.А., Цветков О.М. Религия и кавказская война в контексте исследования менталитета адыгов // Наука, религия, гуманизм. М., 1996. С. 154.
- 3 Там же. С. 20–21.
- 4 См.: Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властелин, воин. М., 2001. С. 31.
- 5 Малащенко А.В. Указ. соч. С. 79.
- 6 Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 82.
- 7 Беляев И. Русские миссии на окраинах: Историко-этнографический очерк. СПб., 1900. С. 116.
- 8 Там же. С. 117.
- 9 Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 242.
- 10 См.: Арапов Д.Ю. Ермолов А.П. и мусульманский мир Кавказа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. М., 2001. № 6. С. 56–57.
- 11 См.: Генерал А.А. Вельяминов и управление духовной жизнью горцев Кавказа / Публ. Д.Ю. Арапов // Источник. 2003. № 5. С. 18.
- 12 Цит. по: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 266.
- 13 РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 281. Л. 1 об.
- 14 Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 70.
- 15 ЦГАРФ. Ф. 866. Оп. 1. Д. 21. С. 16.
- 16 См.: Чекменев С.А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12–13.
- 17 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 167.
- 18 Шилов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XX вв. М., 2005. С. 303.
- 19 Цит. по: Шилов А.В. Указ. соч. С. 303–305.

F.M. Dostoevsky and Russian-Turkish war 1877–1878

S.A. Kochukov

In article sights of well-known Russian writer Feodor Mihajlovicha Dostoevsky at the Balkan crisis on the nature voo-ruzhennyh cataclysms are considered 1877–1878. As spend parallels in history of relations various political and public figures of Russia of 70th of XIX century from-nositelno Russian-Turkish war 1877–1878.

Key words: russian army, political the conflict, war, opinion.

Середина 70-х гг. XIX в. ознаменовалась очередным витком борьбы южных славян против османского ига. В это трудное для угнетенных народов время русское общество оказывало последним материальную и моральную помощь¹. Причем активная поддержка шла не только от Славянских благотворительных комитетов, в защиту болгарского народа выступили многие представители русской интеллигенции – В.Д. Пирогов, В.М. Гаршин, Л.Н. Толстой, В.В. Верещагин.

События национально-освободительной войны на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. не оставили равнодушным и великого русского писателя Ф.М. Достоевского. Его отношение к балканским событиям нашли отражение в первую очередь в «Дневнике писателя»². «Дневник» содержит в себе ряд художественных произведений, но вместе с тем Достоевский в нем откликнулся на волновавшие его проблемы современности. Дневник печатался в еженедельном журнале князя В.П. Мещерского³ «Гражданин», редактором которого был Федор Михайлович. Владимир Петрович Мещерский сблизился с Достоевским еще в 1872 г., когда у князя произошла размолвка с А.Д. Градовским⁴ из-за реформаторских устремлений последнего⁵. Фигура же Достоевского для Владимира Петровича Мещерского была более привлекательна, и это несмотря на то, что Федор Михайлович привлекался по делу «Петрашевцев». Причем князь Мещерский видел в Достоевском ни больше, ни меньше чем цельного и полного консерватора. Он отмечал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Мы все были маленькими перед его грандиозною фигурою консерватора... Апостол правды во всем, в крупном и в мелочах, Достоевский был, как аскет, строг и, как неопит, фанатичен в своем консерватизме... И какая оригинальность в сопоставлении того, чем Достоевский был, с тем, чем он слыл для массы русского интеллигентного люда, искавшего в нем благодаря его эпохе какого-то фетиша либеральной революционной партии»⁶.

События 70-х гг. XIX в. на Балканах дали мощный толчок к развитию славянского движения в России, к которому Достоевский, безусловно, был не равнодушен. Но вместе с тем позиция Федора Михайловича Достоевского была диаметрально противоположна взглядам «передовой русской общественности». Действительно, революционно настроенная часть русского общества полагала, что русско-турецкая война и национально-освободительная борьба балканских народов окажет влияние на формирование политического самосознания «русской народной массы», будет способствовать развитию свободолюбивых стремлений в ее среде и подъему революционного движения в России⁷. Но Достоевский воспринимал балканские события иначе. Достоевский никогда не принимал участия в военных действиях, но на протяжении всей жизни проявлял к ним живой интерес, объясняя его своим военно-инженерным

образованием, хотя мы и знаем, что учился он плохо. В апреле 1876 г., в первый же год издания «Дневника писателя», вспыхнуло восстание в Болгарии, а затем, в июне, Сербия и Черногория объявили Турции войну, в которую активно включились русские добровольцы во главе с генералом Черняевым, возглавившим сербскую армию.

В первую очередь необходимо заявить, что Федор Михайлович Достоевский рассматривал балканский вопрос с более радикальных позиций чем «народный диктатор» – И.С. Аксаков⁸, то есть это были сторонники «великой славянской идеи», которая в полной мере была разработана в стенах Московского славянского благотворительного комитета, представители которого были твердо убеждены в том, что «защита и освобождение турецких христиан есть нравственный долг и назначение православной России»⁹. А.С. Хомяков, в частности, написал своеобразную «агитку» для колеблющихся¹⁰:

*Глас божий: собирайтесь на праведный суд
Собирайтесь к Востоку народы!
Собирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен, –
В сраженье бросайтесь смело!*

Радикализм Достоевского проявлялся прежде всего в том, что он являлся сторонником идеи не просто захвата столицы Турции – Константинополя, а переноса столицы России в эту «колыбель православия». В своем «Дневнике» за март 1877 г. Федор Михайлович отмечает: «Да, Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше... И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время уже близко, все к тому признаки»¹¹. Подобные идеи были далеко не оригинальны и Министерство иностранных дел и Московский славянский благотворительный комитет получали неоднократно прожекты, в которых рассматривалось будущее Турции¹². Достоевский считал, что Россия уже однажды упустила удобный момент в деле завоевания Константинополя в начале XVIII в., когда начались реформы Петра I. Федор Михайлович отстаивал мысль, что Петр Великий допустил серьезную ошибку – основал «чухонский» Петербург, все историческое прошлое толкало его на захват турецкой столицы¹³. Достоевский принял события на Балканском полуострове с большим энтузиазмом, а увлекшись, даже начал оправдывать саму идею войны. Необходимо добавить, что его мысли – не более чем парадокс, и первоначально он излагал их от имени героя-парадоксалиста, с которым условный автор даже спорил¹⁴. Но этот парадокс имеет серьезные мировоззренческие корни в личности самого Достоевского. И дело здесь не столько в имперских амбициях, как иногда заявляют исследователи. Дело здесь прежде всего в самом понимании войны.

Достоевский 70-х гг. XIX в. – это непоколебимый сторонник войны. Он ее ждал, на нее надеялся. Апрель 1877 г., дата начала Русско-турецкой войны, был воспринят Федором Михайловичем буквально «на ура»¹⁵. Непонятно куда делся «гуманизм Достоевского», который буквально толкал тысячи людей в кровавую мясорубку войны. Гуманизм Достоевского, который определяют то как христианский, то как абстрактный, то как общечеловеческий, можно назвать условно, конечно, гуманизмом надрыва, крайним гуманизмом. Достоевский не мог не понимать, что любой вооруженный конфликт стоит крови. Но вместе с тем призывы писателя с каждой новой страницей «Дневника» становятся все агрессивнее: «Нам нужна эта война... и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхаемся, сидя в немощи растления и в духовной тесноте»¹⁶, «война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию»¹⁷.

В отечественной историографии сложилось мнение, что Достоевский, как впрочем и В. Гаршин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, был противником своеобразного реванша за Крымскую войну¹⁸. Действительно, ни в одном из своих произведений Достоевский ни разу не упоминает осаду Севастополя и вообще события 1854–1856 гг., но все соображения Федора Михайловича – это попытка отыгаться за Крымскую кампанию. Уже после Апрельского восстания Достоевский заявлял: «Помогая славянину, я не только не нападаю на веру татарина, но мне и до мусульманства-то самого турки дела нет; оставайся он мусульманином сколько хочет, лишь бы славян не трогал»¹⁹.

Вообще Достоевский полагал, что из всех военных конфликтов, из всех войн, какие вела Россия, четыре войны по преимуществу определили ее историческое бытие. Первая война – земская в 1612 г.; вторая – исторически-неизбежная, императорская – Северная; третья – Отечественная 1812 г.; четвертая – народная Русско-турецкая. Первыми тремя войнами Россия как бы отстаивала собственную политическую независимость, Русско-турецкой же войной сделала попытку определить историческую будущность – решить Восточный вопрос²⁰. Несколько позже эта же мысль была высказана в статье «Юбилей народной войны» в газете «Новое время»²¹.

Национальный подъем, вызванный желанием помочь «братьям-славянам», воодушевлял писателя. По всей России собирались денежные пожертвования, формировались санитарные отряды и отряды добровольцев, включавшие тысячи человек, кадровые военные выходили в отставку, чтобы ехать на Балканы. Для увеличения средств было предпринято несколько изданий, например, сборник «Братская помощь», перевод брошюры Гладстона «Болгарские ужасы и восточный вопрос». Большое значение имела также

даровая раздача рисунков (например, «Балканская мученица») и портретов героев восстания. С 21 сентября 1875 г. по 8 октября 1876 г. комиссией было собрано 810699 рублей. На эти средства был отправлен на театр войны санитарный отряд, а также снаряжены добровольцы в сербскую армию (1 генерал, 360 офицеров, 289 нижних чинов, 176 разnochинцев и 120 донских казаков в полном вооружении, с лошадьми); до 130000 руб. было выдано сербскому правительству в виде ссуды²². Московский комитет объединил свои усилия с Владычне-Покровской общиной сестер милосердия. Газета «Русские ведомости» писала в конце 1876 г.: «Нам сообщают, что дамское отделение Славянского благотворительного комитета получило от русского посольства в Константинополе известие, что 26 болгарок-сирот, отправляющихся в Москву с целью получить воспитание в русских учебных заведениях, выехали из Константинополя в Одессу. После небольшого отдыха они поедут дальше, так что приезда их в Москву должно ожидать не позже будущей недели»²³. Только Московский славянский комитет с июля по октябрь 1876 г. собрал около 600 тыс. руб.²⁴, в результате чего газета «Неделя» отмечала: «Пожертвования в пользу славян начинают принимать такие размеры, что следить за ними становится затруднительным»²⁵. Характерным было большое количество мелких пожертвований. Причем, по словам Аксакова: «Пожертвования по общественной лестнице шли в обратной прогрессии: чем выше, чем богаче, тем относительно слабее и скуднее. Наши денежные знаменитости не участвовали вовсе, а если и участвовали, то в самом ничтожном размере...»²⁶. Удивительно, но были случаи, когда городские власти ставили препоны в деле провидения благотворительных сборов. Особенно этим выделялся генерал-губернатор Москвы кн. В.А. Долгоруков, чьи мероприятия вызывали резкие протесты Аксакова, который подчеркивал религиозно-благотворительный характер жертвенной кампании.

Федор Михайлович был убежден, что только «военной помощью» можно решить Восточный вопрос, хотя бы потому, что вооруженный конфликт с Османской империей выдвинет на первый план в русском обществе «лучших людей»²⁷. Наконец Достоевский высказывает и свое личное отношение к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Война, считал он, «вовсе не вековечный и зверский инстинкт неразумных наций, а первый шаг к достижению вечного мира, в который мы имеем счастье верить»²⁸. Он различал войны справедливые (война за спасение, за освобождение угнетенных народов, за международное воссоединение – «нет светлее и чище подвига такой войны») и войны несправедливые (из-за политики господства одной нации над другой и усиления за счет своего соседа, из-за приобретения чужих богатств, из-за потребности ненасытной биржи, торговых выгод и т.п.). Справедливая война нравственна по

своему духовному содержанию, ибо требует «самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым», и в этом смысле Достоевским признается война как «святое дело». «Да, война, конечно, есть несчастье, – пишет он, – однако не всегда надо проповедовать только мир, не в мире едином, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть»²⁹. По логике Достоевского, вечный мир возможен только с перерождением человеческого общества в совершеннейшее, с наступлением «золотого века». В данном случае под «золотым веком» Достоевский видел объединение под покровительством России православных европейских славян. Он верил, что «освобожденные и воскресшие к новой жизни славянские народности прильнут к России, как к родной матери и освободительнице, и в самом скором времени привнесут много новых и еще неслыханных элементов в русскую жизнь, расширят славянство России, душу России, повлияют даже на русский язык, литературу, творчество, обогатят Россию духовно и укажут ей новые горизонты»³⁰.

Рассматривая отношение Федора Михайловича Достоевского к Балканской войне 1877–1878 гг., нельзя не обратить внимание на «Мнение Тишайшего царя о восточном вопросе» – это небольшая выписка из исторического сочинения И. Оболенского³¹. Царь Алексей Михайлович заявлял: «порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их»³². На все это вельможи отвечали ему: «Господи, даруй по желанию сердца твоего»³³. Достоевский называет выписку характерной и любопытной «в теперешнюю нашу минуту»³⁴. Смысл ее очевиден: царь и его вельможи ждут, не отказываясь и не соглашаясь. Их ответ сводится к тому, что человек не волен принимать решение о войне, но он может ее начать, если на то есть воля Бога. Вероятнее всего, Достоевский, как это не удивительно, подталкивал официальный Петербург к более радикальным действиям. Но если российское общество было в целом едино в вопросе поддержки южных славян и скорейшей войны с турками, то в правительстве считали, что война с Турцией может негативно сказаться на международном и внутреннем положении страны. В частности, глава Военного министерства Д.А. Милютин³⁵ заявлял: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас»³⁶. Также против скоропалительной войны предостерегал и бывший посланник России в Турции гр. Н.П. Игнатев³⁷, который считал войну с Османской империей как бедствие народное³⁸.

Однако, несмотря на такой разброс мнений, всем и Федору Михайловичу Достоевскому, как представителю русской прогрессивной общности, так и правящей элите в лице Д.А. Милютина, Н.П. Игнатьева, А.М. Горчакова³⁹, было совершенно понятно, что «Балканский узел»

необходимо разрубить и как можно скорее. В противном случае юг Европы мог погрузиться в хаос затяжной войны, войны на фактическое уничтожение славянских народов.

Примечания

- 1 См.: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; *Он же*. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. №7; *Он же*. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. №4; Козьменко И. Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. №5; Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; Орлик О.В. Представители прогрессивной интеллигенции России – участники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 1978. №4; Кочуков С.А. К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х годов XIX века // Славянский сборник. Саратов, 2009. Вып. 7.
- 2 См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М., 2007.
- 3 Мещерский Владимир Петрович (1838–1914) – князь, действительный статский советник, камергер, внук историка Н.М. Карамзина. Окончил Училище правоведения. С 1872 г. – редактор журнала «Гражданин».
- 4 Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – известный русский профессор права и публицист. Преподавал в Санкт-Петербургском университете.
- 5 Это особенно характерно для высказываний А.Д. Градовского: «Конец Крымской войны был сигналом к преобразованию России. Реформы эти были вызваны, конечно, нашими внутренними потребностями, нашими наболевшими язвами. Прежде всего предстояло устранить то, что более всего стесняло развитие государства и общества, что более всего вносило лжи и тления в наши отношения – крепостное право. Затем должно было изменить систему нашего местного управления по двоякой причине: во-первых, вся система ведения местного хозяйства, даже в существовавших его рамках, в коих вращались разные комитеты, комиссии и приказы, оказались несостоятельной; во-вторых, существовавшие установления не представляли ручательства в том, что они в состоянии будут удовлетворить потребностям новым, возникновение которых предвиделось с освобождением крестьян... Затем система судостроительства, державшаяся на началах узко инквизиционного процесса... Наконец, отсутствие гласности, отсутствие какой бы то ни было легальной возможности обсуждать самые насущные общественные вопросы... (Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 310–311).
- 6 Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 307.
- 7 См.: Нарочницкая Л.И. Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1987. Вып. 7. С. 138. В частности, по словам А.И. Желябо-

- ва, революционеры «на деле возрождения славян» стремились помочь политическому воспитанию самого русского общества (*Нарочницкая Л.И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. М., 1978. С. 44).
- ⁸ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886). Известный славянофил, писатель, публицист, редактор газет «День», «Русь», «Москва» и журнала «Русская беседа».
- ⁹ *Апостольский П.* Нравственные основы настоящей войны. М., 1877. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 5-6.
- ¹¹ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 70.
- ¹² На имя гр. Н.П. Игнатъева поступила анонимная записка, в которой перечислялись причины распада Турецкого султаната: «1) в Турции нет уже никакой администрации, несколько коллективов чиновников, которые сменяются почти ежемесячно; 2) в Турции нет уже никаких общественных сил, кроме обнищавших чиновников, и омусульманившаяся часть населения; 3) мусульманское население Малой Азии обременено непосильными налогами и истощившееся до нельзя непосильными рекрутскими наборами; 4) турецкие финансы, как известно, кончаются сами собою» (ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 710. Л. 1-1об.)
- ¹³ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 70–71.
- ¹⁴ *Матюшкин А.* Парадокс Достоевского о войне. [Электронный ресурс]. URL: // http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/paradox_dost.htm
- ¹⁵ В своем «Дневнике» за апрель 1877 г. писатель отмечал: «... нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не только мертвящая болтовня как прежде, – да что как прежде: как до сих пор, господа!» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 104).
- ¹⁶ Там же. С. 103.
- ¹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁸ См.: *Цимбаев Н.И.* Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982; *Нарочницкая Л.И.* Национально-освободительные движения на Балканах...
- ¹⁹ Цит по.: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 183.
- ²⁰ См.: *Преображенский И.В.* За братьев славян. СПб., 1903. С. 3.
- ²¹ См.: Юбилей народной войны // Новое время. №9377.
- ²² <http://www.gusk.ru>
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 158.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 19.
- ²⁷ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя С. 107–108.
- ²⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 99, 100.
- ²⁹ Там же. С. 100.
- ³⁰ Там же. С. 81.
- ³¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 112–113.
- ³² Там же. С. 113.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912). Граф, генерал-адъютант, военный министр (1861–1881), генерал-фельдмаршал, член Государственного совета.
- ³⁶ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58.
- ³⁷ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908). Граф, генерал-адъютант, посол в Турции (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), член Государственного совета.
- ³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 562.
- ³⁹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883). Князь, советник посольства в Вене (1883-1838), посланник в Штутгарте (1841–1850), государственный канцлер.

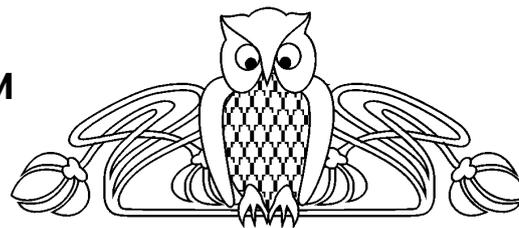
УДК 94(47).083

СЛУХИ О ЦАРСКОЙ ИЗМЕНЕ В КОНТЕКСТЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОРНОГРАФИИ» РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния слухов о царской измене и речи П.Н. Милюкова от 1 ноября 1916 г. на формирование негативного общественного мнения по отношению к царствующим особам. На основе анализа различных источников сделан вывод о том, что распространявшиеся в годы Первой мировой войны слухи о царской измене, как элемент «политической порнографии», и речь депутата Милюкова, наряду с другими объективными и субъективными факторами, сыграли роковую роль в десакрализации царской власти и падении русской монархии.

Ключевые слова: слухи, царская измена, речь П.Н. Милюкова, десакрализация власти, Николай II, Александра Федоровна.

Rumors about the Royal Treason in the Context of «Political Pornography» Russia on the Eve of the February Revolution

Yu.V. Varfolomeev

The paper addresses the problem of the influence of rumors about the royal treason and speech P.N. Milyukova November 1, 1916 on the